

Н.Д. Голев, О.В. Тискова

Омофонический и омографический фонды русского языка.

Часть 5: Синтаксическая омофония и омография как «полигон» для изучения коммуникативного функционирования знаков препинания

Настоящая статья является продолжением изучения русских омофонов и омографов разных видов в функциональном аспекте, предпринятого в ряде наших предшествующих работ¹. В них уже было показано, что омофония и омография обычно понимаются как явления, находящиеся на периферии письменной коммуникации. Термины «омофон» и «омограф» фиксируют только самый поверхностный уровень соотношения письменной и звуковой формы языковых единиц, лишь спорадически выходящий в функционально-семантическую сферу речи. Мы полагаем, что столкновение форм в процессе восприятия речевых произведений является совершенно естественным и регулярным, поскольку языковая форма при всей широте ее вариативности все-таки ограничена в своих возможностях передачи бесконечного смыслового варьирования, поэтому естествен и регулярен выбор вариантов согласования планов содержания и формы в обыденной коммуникации. Несомненно, что в самом механизме обыденной коммуникации заложены естественные способы ограничения негативных последствий амфиболического функционирования языковых единиц. С другой стороны, ситуация амфиболии является своеобразной экспериментальной площадкой для проверки коммуникативной надежности такого механизма, действующего в ней с повышенной нагрузкой. В гносеологическом плане это означает, что «амфиболический полигон» можно рассматривать как эффективное поле для изучения функционирования тех или иных «узлов» данного механизма. В статье он выступает в названной роли для изучения русской пунктуации в функциональном аспекте, в частности, для изучения проблем коммуникативной значимости знаков препинания в процессе восприятия письменных речевых произ-

ведений (высказываний). Отметим также, что в ряде аспектов данная работа является фрагментом более общего исследования, посвященного экспериментальному изучению коммуникативного функционирования русской пунктуации².

В настоящее время в теории пунктуации (и особенно в методической литературе) уже стало своеобразным ритуалом указывать, что правильное пунктуационное оформление текста влияет на его понимание, адекватное замыслу пишущего, а неправильное – искажает авторский замысел. Однако этот важный тезис еще не был обоснован в конкретно-исследовательском плане. Необходимость изучения данной проблемы очевидна; массовая практика письменной речи показывает, что отсутствие знаков препинания в значительном числе случаев не приводит к коммуникативным неудачам и заметным трудностям (ошибочному пониманию текста, помехам при его узнавании и интерпретации). Возникает вопрос: в какой степени пунктуация реально участвует в обыденной письменноречевой деятельности читающего? В связи с этим мы выдвигаем предположение, что коммуникативная роль русской пунктуации преувеличена, и полагаем, что данная гипотеза нуждается в конкретно-исследовательском обосновании. Целью любой коммуникативной деятельности является стремление к адекватной передаче смысла, осуществлению взаимопонимания субъектов общения (здесь – пишущего и читающего). Однако результат может быть неоднозначным. Здесь возникает понятие «коммуникативная эффективность», т.е. необходимость и достаточность коммуникативных усилий для обеспечения взаимопонимания. Составляющие коммуникативной эффективности: коммуникативный успех / коммуникативная неудача / коммуникативная по-

¹ Имеются в виду статьи в предыдущих номерах журнала «Известия Алтайского государственного университета» (1999–2001 гг.).

² В статье используются материалы экспериментального исследования О.В. Тисковой, которое проводится в рамках ее кандидатской диссертации «Русская пунктуация в функциональном аспекте (на материале контекстов с обособленными членами предложения)» (научный руководитель Н.Д. Голев).

межа. Пунктуация (нормативная и ненормативная), правильные и ошибочные написания могут рассматриваться именно с этих позиций.

Исследование коммуникативной значимости пунктуации в аспекте реального воздействия знаков препинания на понимание текста почти с необходимостью приводит исследователя к явлению синтаксической омонимии вообще и пунктуационного омографизма в частности (термины Н.П. Колесникова [1]; последний термин обозначает совпадение различных функций, выполняемых знаками препинания внутри предложения, вследствие чего возникает двойное понимание читаемого текста). Обобщая предшествующий опыт изучения пунктуации, Н.П. Колесников выделяет разные оценки данного явления в отечественной литературе. Ряд авторов считают синтаксическую омонимию положительным явлением (А.М. Бабкин, Е.М. Галкина-Федорук, Л.А. Булаховский, Н.М. Шанский), другие трактуют ее как феномен негативный (А.Н. Гвоздев, А.А. Реформатский) [1, с. 8–10], однако все сходятся во мнении: омонимы могут «сталкиваться», затрудняя понимание текста; омонимия создает трудности в устном и письменном общении. Ср. типичный тезис: «Синтаксическая омонимия в одних предложениях действительно устраняется чаще всего последующим текстом. В других случаях такого устранения не происходит. Это обстоятельство позволяет считать наличие омонимии в предложении отрицательным явлением, мешающим восприятию текста» [1, с. 9].

Но вопросы о том, **как реально** проявляет свое действие синтаксическая омонимия в обычной письменной речи, **какова степень** реального влияния синтаксических омофонов и омографов на понимание текста, как ведут себя языковые механизмы в условиях синтаксической омофонии, остаются нерешенными. Для ответа на них необходимо экспериментальное исследование на конкретном пунктуационном материале.

Функционирование пунктуации в общем коммуникативном процессе эффективнее всего изучать на материале, получаемом в серии направленных экспериментов. Для проведения «коммуникативно-пунктуационного» эксперимента необходимо смоделировать такую ситуацию, в которой испытуемый вынужден будет проявить отношение к знакам препинания. При построении методики эксперимента нормативно-правильная пунктуация рассматрива-

ется в оппозиции с «неправильной» (отсутствующие или стоящие не на месте знаки препинания) пунктуацией.

Основная оппозиция текстов, предъявляемых испытуемым для прочтения и интерпретации, реализуется с помощью карточек, содержащих тексты с отсутствующими знаками препинания, тексты с правильно расставленными знаками препинания и тексты с ненормативной пунктуацией. Дополнительная оппозиция предполагает участие пунктуации в простых, однозначно интерпретируемых высказываниях и в высказываниях неоднозначных, амфиболических. Среди последних наиболее значимыми представляются высказывания с потенциалом омографического и омофонического функционирования, предполагающих дифференциацию смысла высказывания в зависимости от пунктуации (синтаксические омофоны) и отсутствие дифференциации при отсутствии пунктуационных различий (синтаксические омографы) [2]. Только прямой и массовый эксперимент с омофоническими высказываниями может показать, действительно ли пунктуация «различает смыслы, вкладываемые в предложение пишущим», и действительно ли «без знаков препинания предложения могут получать разные толкования» (подобные высказывания часто встречаются, но реальных исследований восприятия и интерпретации текстов с потенциалом амфиболического функционирования не проводилось).

Данные, полученные в результате такого эксперимента, позволят определить место и «удельный вес» пунктуации в процессе письменной коммуникации, в частности, определить степень влияния пунктуационных ошибок и отсутствия знаков препинания на понимание письменного текста.

Далее в статье приводятся результаты двух экспериментов, иллюстрирующие очерченные положения.

Первый из них был включен в задание олимпиады для старшеклассников и абитуриентов филологического факультета АлтГУ по русскому языку, проводившейся в 2003 г. Им предлагалось провести опрос не менее 10 человек. В качестве текста для экспериментального исследования участникам предлагался начальный фрагмент рассказа В.М. Шукшина «Раскас»³:

От Ивана Петина ушла жена. Да как ушла!... Прямо как в старых добрых романах – бежа-

³ Подробнее о проекте экспериментального исследования коммуникативного функционирования русской пунктуации см. [3]. Задание в олимпиаде было дано для того, чтобы получить материал, который позволил бы более широко развернуть эксперимент, описанный в указанной статье.

ла с офицером. Иван приехал из дальнего рейса, загнал машину в ограду, отомкнул избу... И нашел на столе записку:

«Иван, извини, но больше с таким пеньком я жить не могу. Не ищи меня. Людмила».

Огромный Иван, не оглянувшись, грузно сел на табуретку – как от удара в лоб. Он почему-то сразу понял, что никакая это не шутка, это – правда.

Общее количество полученных анкет – 239. Возраст участников колебался от 16 до 70 лет. Образование: среднее, незаконченное высшее (студенты), высшее, среднее специальное.

Испытуемым для прочтения был предложен текст с тремя пунктуационными ошибками в записке Людмилы: *«Иван извини, но больше с таким пеньком, я жить не могу. Не ищи меня, Людмила».* Важно, что в последнем случае изменение знака препинания (постановка запятой вместо точки) позволяет говорить о возможном амфиболическом понимании текста. Для проверки такой возможности испытуемым был задан вопрос по смыслу текста: *«Как звали жену Ивана?».*

87% работ содержали ответ *«Жену Ивана звали Людмила».* 10,4% работ содержали ответы типа: *«В тексте нет имени», «В тексте не сказано», «Из текста неясно».* Полученные цифры позволяют утверждать, что большинством испытуемых возможность двойного прочтения записки, возникающая при замене знака препинания, не была замечена.

Для проверки реального влияния пунктуации на понимание текста испытуемым был задан вопрос: *«Мешало ли что-нибудь чтению текста? Возникали ли трудности при понимании смысла текста?»*

Ответы типа: *«Из-за запятой создается впечатление, что записку оставляют Людмиле», «С трудом вычиталось имя Людмилы, так как стоит запятая, а не точка»,* свидетельствующие о том, что испытуемыми осознается возникающая двойственность понимания текста, – составили 5,2% от общего количества ответов.

Ответы типа *«При первом прочтении «споткнулся», но потом стало понятно»,* составляющие примерно 14% от общего количества ответов, свидетельствуют о том, что амфиболия, возникающая в сознании воспринимающего, снимается при осмыслении текста (в конце записки должно стоять имя писавшего, значит, жену Ивана зовут Людмила, вне за-

висимости от того, отделено это имя точкой или запятой). Таким образом, здесь оказались включенными механизмы контроля за правильностью языковых высказываний, которые действуют обычно в спонтанном режиме и лишь в отдельных речевых ситуациях (как в данном случае) выходят на уровень осознанных рефлексий.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что амфиболическая ситуация, формально возникающая при замене знака препинания, либо не замечается испытуемыми, либо снимается при повторном прочтении и осмыслении предложенного текста.

Изучение коммуникативных аспектов пунктуации на материале обособленных членов предложения позволило выделить ряд случаев, в которых наличие/отсутствие/изменение знаков препинания, оформляющих обособленный оборот, может привести к двоякому пониманию текста. Эти предложения использовались в нашем эксперименте. Разработанная нами методика экспериментального исследования дает возможность наблюдать и описать воздействие пунктуации на функционирование письменных речевых произведений.

Во втором эксперименте принимали участие 146 человек – старшеклассников обычных школ и студентов первого курса Алтайского государственного технического университета. В эксперименте моделировалась ситуация естественной письменной речи⁴. Эксперимент проводился на материале печатных текстов (чтобы исключить воздействие графической стороны – неразборчивого почерка, помарок, зачеркивания и т.п.). Материалом для эксперимента послужили тексты, содержащие синтаксические конструкции обособления, с потенциалом амфиболического функционирования. Эти предложения подбирались таким образом, чтобы могли получить неоднозначное (двойное) прочтение при наличии или отсутствии нормативного пунктуационного выражения обособления. Потом эти предложения были включены в более широкие контексты – законченные, но не снимающие омонимию. Эти тексты предлагались испытуемым. Принципы предъявления были те же, что и в первом эксперименте. Полученные результаты интерпретировались в параметрах *«коммуникативный успех»/«коммуникативная неудача»,* что позволяло оценить возникающую омонимию с позиций по-мехобразующей роли для понимания текста.

⁴ Испытуемым было сказано, что эксперимент имеет целью определение типов образного мышления. Это было сделано, чтобы исключить момент «школьности», т.е. оценки ситуации как обычного диктанта, предполагающего повышенное внимание к знакам препинания и к правильности написания. Таким образом, испытуемые не знали о том, что проверяются их языковые способности [4].

Ниже приводятся результаты эксперимента.

1. Омонимия возникает при неразличении обращения и обособленного приложения.

Предлагаемый текст:

В 8 утра в мой кабинет вошел директор нашей фирмы Иван Иванович в сопровождении маленького человечка с торчащими ушами. Не здороваясь, он сказал: «Вот Вася ваш новый секретарь-референт». После чего с гордым видом удалился.

Вопрос, проясняющий, как испытуемые поняли текст: «Как звали секретаря-референта?»

57,6 из 100% испытуемых при ответе на вопрос по смыслу текста учитывают обособление и интерпретируют текст соответствующим образом (ответ: «В тексте нет имени секретаря»). 26,4% испытуемых «не видят» обособления и приводят омонимичное значение (ответ: «Секретаря зовут Вася»). 16,8% испытуемых учитывают возможную омонимию (ответ: «Возможны варианты, если поставить запятые»).

2. Омонимия возникает при неразличении приложения и однородных членов предложения.

Предлагаемый текст:

«А скажи-ка мне, сын, – грозно спросил Иван Николаевич, – кто еще должен быть на этом вашем... родительском собрании?»

Вовка потупился: «Ну... Любовь Сергеевна наша учительница Катькина мама и Петькина мама. И все.»

Вопрос к испытуемым: «Сколько человек должно быть на родительском собрании?»

28,8% испытуемых при ответе на вопрос по смыслу текста учитывают обособление (ответ: «Три человека»). 57,6% испытуемых «не видят» обособления и приводят омонимичное значение (ответ: «Четыре человека»). 3,6% испытуемых указывают на возможную омонимию.

3. Омонимия возникает при неразличении вводного слова и члена предложения.

Предлагаемый текст:

Выслушав мое предложение, Андрей посмотрел на меня и мрачно сказал: «Наше положение должно быть Вам известно». И тут я понял: у них не было денег на эту поездку. Признаюсь, я никогда не чувствовал себя так неловко.

Испытуемым предлагалось пересказать фразу Андрея, полностью передав ее смысл и заменив синонимом «должно быть».

57,6% испытуемых интерпретировали текст, исходя из наличия в нем обособленной вводной конструкции (ответы: «Их положение, наверное, ему известно»). 36% испытуемых дали противоположные ответы («Андрей думал, что автор точно знает их бедственное положение, а он забыл об этом (или не понял)»). Ответов, указывающих на то, что испытуемые видят возможную омонимию, в данном случае не было.

Н.П. Колесников пишет, что постановка знаков препинания или замена при обособлении запятых другими знаками препинания (особенно во втором случае) уменьшает или полностью «снимает» возможную омонимию [1, с. 120]. Это положение было проверено экспериментально. Испытуемым предлагались разные типы пунктуационного оформления текстов: тексты без знаков препинания при обособлении, тексты с правильно оформленным обособлением и тексты с замененными знаками препинания (вместо запятых при обособлении – тире).

Общее количество ответов, учитывающих обособление, по всем типам текстов без знаков препинания при обособлении составило 28,8 из 100%. Ответы, не учитывающие обособление, составили 71 из 100%.

В случае правильной постановки знаков препинания это соотношение («коэффициент омонимичности текста»?) составило соответственно 65 и 35%, а в случае замены знаков препинания – 52,2 и 46,4%.

Очевидно, что влияние знаков препинания на понимание текста в аспекте «коммуникативный успех»/«коммуникативная неудача» в рамках данного эксперимента прослеживается достаточно четко. Но конкретно описать его возможно лишь на определенном материале. Именно синтаксические омофоны и омографы позволяют выявлять основные закономерности коммуникативного функционирования знаков препинания.

На основании всего сказанного можно утверждать, что синтаксические омофоны и омографы (равно как и пунктуационные омографы – Н.П. Колесников) являются эффективным «полигоном» для изучения коммуникативного функционирования русской пунктуации.

Литература

1. Колесников Н.Д. Синтаксическая омонимия в простом предложении. Ростов-на-Дону, 1981.
2. Голев Н.Д. Омофонический и омографический фонды современного русского языка. Ч. 3: Синтаксические омофоны и омографы // Известия Алтайского государственного университета. 2001. №4.
3. Голев Н.Д. Исследование русской пунктуации в коммуникативном аспекте: постановка проблемы и программа экспериментального исследования // Языковая ситуация в России начала XXI века. Кемерово, 2002. Т. 1.
4. Тискова О.В. Русская пунктуация как коммуникативный феномен (к постановке проблемы) // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Барнаул, 2002. Ч. 1.